Северодонецк – город, в котором война ощущается физически

Подробности. Корреспондент газеты «Кыштымский рабочий» продолжает рассказывать о своей поездке на Донбасс

СВЕТЛАНА **СЛАВИНА**

Северодонецк, которому всего лишь 90 лет, называли городом химиков, инженеров и строителей. В нём было всё: театр и филармония, галерея искусств и Ледовый дворец, скверы и цветные фонтаны, рынки и пляжи, и даже аэропорт… Ныне это город-призрак. Таких масштабных разрушений, как здесь, на территории ЛНР больше нет. Но в нём живут и работают люди.

Северодонецк встречает нас такой вот надписью на стене.

В Северодонецке уничтожено и разрушено более 80% зданий.

Дежурная по небу

Блокпост перед поворотом на Северодонецк встречает нас напряжённо. Долго рассматривают документы, проверяют разрешение на въезд, выясняют «куда именно и с какой целью». Пропускают, но вдруг один из бойцов в бронежилете с автоматом наперевес быстрым шагом направляется к нам. Лицо закрыто балаклавой, но глаза улыбаются: «Из Челябинска? Земляки! Я из Усть-Катава». Перебрасываемся парой слов, желаем парню удачи, он нам – хорошей дороги.

По дороге мои спутники Илья и Евгений назначают меня «дежурной по небу». В мои обязанности входит следить за подозрительными точками, которые могут оказаться дронами. Евгению в одной из поездок приходилось с ними встречаться. И пускай мы находимся в тылу, меры предосторожности считаем совсем не лишними: шальному беспилотнику семь вёрст не крюк. Хотя… в случае чего спрятаться тут негде. Кругом, на километры – пеньки, и мы на дороге как на ладони. Выгоревшие лесные массивы, изрытые окопами – это последствия боёв на подступах к Северодонецку.

Город встречает нас разрушенными домами, выбитыми окнами, воронками и баррикадами. Смотреть на это страшно, но глаза не закроешь. Гаражный кооператив… Под рухнувшими плитами перекрытия виднеются искорёженные автомобили. Где-то лишь закопчённые остовы от них. И вдруг… прямо в сердце – надпись на чудом уцелевшей кирпичной стене «Пожалуйста, защитите наш город от нацистов». Первые четыре слова в цвете российского триколора, последнее – чёрным. Кто тот смельчак, который рискуя жизнью, написал эти слова?

Первые дома, с которых начинается Северодонецк – современные девятиэтажки. Точнее, то, что от них осталось. После боевых действий в 2014 году и восьмилетней оккупации ВСУ город освободили летом 22-го. Это были страшные дни, когда украинская армия, не желая сдавать позиций, использовала мирное население как щит, а дворы, дома и жилые постройки как крепость. Огневые позиции были выбраны таким образом, чтобы нанести непоправимый ущерб практически каждому квадратному метру не только предприятий, но и города, дабы впоследствии всё это невозможно было восстановить.

Новый киоск на старом фоне.

В этом городе улыбаться не хочется.

К 2022 году в городе с населением более ста тысяч человек осталось около десяти тысяч (Правда, сейчас население увеличилось на 30 тысяч. – ***Авт.)***. Те, кто не захотел покидать родной город, прятались в подвалах собственных домов. Около восьмисот человек оказались в заложниках у украинских боевиков, засевших на комбинате «Азот». На его территории ВСУ и украинские нацбатальоны использовали подземные сооружения, где разместили тяжёлое вооружение, скрывались сами и куда согнали людей из близлежащих районов.

После того как в июле 2022-го года российские военные и силы Народной милиции ЛНР взяли город под свой контроль, пришло время оценить масштабы разрушений, чтобы приступить к их ликвидации.

В городе жили люди, и надо было в первую очередь разминировать территорию – на это ушло два месяца. Но ещё остались места, куда до сих пор не пускают ни журналистов, ни какие-либо службы. Там дежурят военные, их ответ лаконичен: «Небезопасно».

Ракетами по столовой

Все дороги Северодонецка были заставлены сожжёнными автомобилями. Их украинцы использовали как блокпосты, и эти страшные нагромождения надо было убирать, как и вышедшую из строя военную технику. Все улицы вдоль жилых домов были перекопаны под блиндажи и укрепления… В каждом дворе – могилы. Вывезти трупы погибших и умерших на кладбище не было возможности, и покойников прикапывали где могли, даже на разделительной полосе проезжей части были холмики с крестами.

Не было ни воды, ни газа, ни электричества. Люди готовили еду на кострах… Запустили несколько скважин, перезахоронили трупы, убрали с улиц мусор и бытовые отходы, которые не вывозились с февраля по август из-за того, что город был заминирован, постепенно наладили и электро-, и газоснабжение. Что примечательно, первым объектом, куда вновь подвели газ, был Вечный огонь. Его зажгли на площади у памятника воинам, освободившим Северодонецк в феврале 43-го от немецких захватчиков. Сделано это было по просьбе самих горожан.

Поначалу были сложности, связанные с деятельностью диверсантов. Смириться с тем, что город выжил и продолжает жить, враг не хотел. Его целью стало навредить, разрушить, напугать. Наводчики отслеживали и сообщали украинской стороне места дислокаций людей и техники. Новенькую коммунальную технику, доставленную на муниципальное предприятие, враг не туда прилетело… «Помощников» искали и находили, а вот какие-то приобретения, успехи старались не афишировать.

Более 80% всех зданий Северодонецка были повреждены, либо полностью уничтожены. Одни решено убирать, другие – восстанавливать. Уже растут разноцветные пятиэтажки, строятся садики и объекты культуры, обустраиваются детские площадки, открываются магазины, парикмахерские, кафе.

Заворачиваем в один из дворов. Возле разрушенной и обгоревшей девятиэтажки мужчина гуляет с собачкой. Улыбается нам как старым знакомым, видно, что расположен поговорить. А уж как нам-то хочется узнать всё из первых рук. Олег, как представился мужчина, военные действия переживал в подвале сначала своего дома, потом – в храме. Говорит, что люди стремились под божественные своды, надеясь уцелеть волею Божьей. И голод пережил, и холод, и отсутствие света. По ночам согревался, обнимая верного пса. Дом, в котором он живёт – та самая девятиэтажка, посередине разрезанная снарядом и зияющая пустыми пролётами, с рухнувшими балконами и обгоревшими стенами. Мы ужасаемся: «Так как вы можете здесь жить?».

Олег и дом, в котором он живёт.

– У меня первый этаж, – показывает Олег на окна. – Он уцелел. Сейчас-то красота – есть электричество. Одну комнату закрыл, во второй живу и грею её обогревателями. Тепло. За водой ходим в последний подъезд.

– В смысле – «ходим»? Вы не один живёте?

– В доме еще три человека живут: в первом подъезде на четвёртом этаже, в третьем, и вот женщина – в последнем. У неё воду и берём…

Мужчина рассказывает, что с работой в городе тяжело. Ходит подрабатывать на местный рынок. Принести-унести-убрать. Пенсию пока не получает, только гуманитарку иногда выдают. Но всё равно улыбается:

– Да всё в общем-то хорошо. Мне мало надо, в основном деньги на корм собаке пускаю. Плохо только с аптеками, государственных нет, а в частных – цены неподъёмные, да и выбор не велик. Спину вот перетрудил – болит очень.

Радуюсь, что могу помочь. В сумке лежит сильнодействующая мазь от всякого рода артритов-радикулитов. Тут же вручаю её Олегу. Горячо благодарит. Неловко сую ему в карманек тысячу рублей – вдруг обидится. Приговариваю: «На корм собачке».

Шлагбаум. Вооружённые люди на пропускном пункте не пускают на территорию, ссылаясь на особое распоряжение. Ждём разрешения. Встречать выходит симпатичная женщина, улыбается и приветливо машет нам рукой. Это Кунсулу. Она отвечает за снабжение, обеспечение и ещё много чего… Военные медики – люди особенные, готовые и умеющие одновременно выполнять множество задач. В том числе и боевых. В любое время суток – без сна и отдыха. Это уже потом, не от неё самой, я узнаю, что на её руках тысячи эвакуированных ребят с линии боевого соприкосновения, спасённые жизни в госпиталях, встреча российских военнопленных в Жуковском и участие в их реабилитации, сбор аптечек для уходящих на боевую задач ребят. Сейчас в зоне её ответственности поиск и приобретение оборудования для северодонецкого госпиталя, огромная бумажная и административная работа.

Евгения в госпитале встречают как родного. Озёрские дети передали раненым открытки, шоколадки, рисунки.

Кунсулу всё время шутит. Про двух рабов, которыми наделяют её слухи. Мол, невозможно же самой со всем этим справляться. Про «Салон красоты», который организовала в собственной каморке (купила оборудование и сама себе делает гельманикюр). Про девчонок-медиков, которые находят в госпитале женихов и играют свадьбы. Про себя, 49-летнюю – «я ещё материнский капитал получу!»… И звонко смеётся.

Уже потом, когда признаётся, что несколько лет работает без отпусков, спит по два-четыре часа в день, становится понятно, что это смех, граничащий с истерикой. От колоссальной нагрузки, недосыпания и непомерной усталости. И, возможно, смех – защитная реакция организма от постоянного стресса.

Коморка, в которой она живёт, пять квадратных метров, впритык друг к другу стоят стол и шкаф. Вплотную – узкое спальное место, закинутое пледом. В шкафу соседствуют маленькая микроволновка, папки с документами, томик Достоевского… На полу большие гантели.

– Приходится поддерживать форму, – перехватывая мой взгляд, снова смеётся Кунсулу. – Попробуй-ка, потаскай пацанов. Вот и укрепляю спину и руки.

Разгружать прицеп пришли помочь раненые – те, что могут передвигаться.

– Получаем очередную гуманитарную помощь от наших друзей из Озёрска. Спасибо всем жителям Южного Урала, что вы нас не бросаете, – обращается к нам Кунсулу. – Это очень важно – чувствовать поддержку людей. Мы действительно непобедимы, когда едины, когда вместе.

Спрашиваю у директора БФ «Вместе» Евгения Колесника, который уже десять раз побывал с гуманитарной помощью на Донбассе, чувствует ли он удовлетворение.

– Удовлетворение мы почувствуем, когда победим, – отвечает он. – Это главное! И на это направлены наши мысли, наши молитвы, наши сборы и наши поездки.

На победу, которая обязательно будет за нами.

Выезжаешь из этого города, в котором война ощущается буквально физически, другим человеком. Перестаёт иметь значение всё материальное, временное, надуманное. Вспоминаешь жалобы знакомых на жизнь: зарплаты маленькие, начальник не ценит, депрессия накатывает, дети неблагодарные, цены высокие, погода мерзкая – и понимаешь, ГДЕ по-настоящему трудно и где они, эти НАСТОЯЩИЕ проблемы. Именно здесь, в Северодонецке, люди пережили и переживают настоящие потери, настоящую боль, но не ноют, никого не винят, а отстраивают свою жизнь заново… Нам, не вздрагивающим от залпов и взрывов, получающим стабильные зарплаты, живущим в тёплых и уютных квартирах с водой и газом, мобильной связью и полными холодильниками, есть о чём задуматься…

Новые дома. Когда-нибудь все жители Северодонецка переедут в такие…

Женщина с гантелями

Наш путь лежит к военному госпиталю. Туда Илья и Евгений везут основную часть гуманитарки: медоборудование, медикаменты, хирургические и реанимационные расходники…